

в последующем сохраниться в ребенке и будет проявляться в способах коммуникации с обществом у этого ребенка.

Все недостатки в воспитании являются для детей травмами. И, как результат, дети остаются с этими травмами наедине. Самостоятельно они их разрешить не могут. И они вырабатывают различные способы, чтобы в последующем не получать таких травм. А если таких способов не находят, то часто замыкаются в себе в критических ситуациях. Примером этому может являться обман. Психолог Красникова Ольга рассуждая на эту тему, тему обмана, говорит о том, что дети могут приходиться к самым разным выводам, испытывая на себе негативное действие обмана со стороны родителей. Как результат, эти выводы являются для них фундаментом построения инструментов мироощущения.

Заключение. Наше время – время слабо контролируемого процесса интеграции технического прогресса в общество. И это не единственная проблема, с которой ранее человечество не сталкивалось. Поэтому модели воспитания подрастающего поколения необходимо постоянно адаптировать согласно современному развитию общества. Стоит признать тот факт, что в наше время все чаще и чаще мы воспитываем просто нравственные качества детей в отрыве от Бога. Врач-психиатр Дмитрий Авдеев, говоря об этой проблеме, называет такое воспитание «гуманизмом без Бога» [6, с.48]. Забывая о душе ребенка, мы сталкиваемся с целым пластом проблем, которые просто неразрешимы без православия. Необходимо обязательно помнить о том, что всякое воспитание – воспитание для Бога, которое требует жертвы. Кто-то спросит: «А что взамен я получу, постоянно жертвуя собой?» Ответ прост: «Тоже, что получили те, кто жертвовал собой ради тебя – твою любовь». А если человек не дарит свою любовь никому, то не воспитывает ли он своим примером таких же эгоистов, которые не будут переживать за своих детей, а будут лишь искать виновных в том, в чем виноваты сами?

Список цитируемых источников

1. Новости TUT.BY [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/society/259186.html> (дата обращения: 2. 11.2016)
2. Шишова Т.Л. ПРОСТО МАМА. Легко ли сегодня быть мамой. Рязань: Зерно-слово, 2013. 368 с.
3. Дробышевская Н.А. Не должны быть потеряны дети: Из опыта работы с трудными детьми. М.:Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013. 176 с.
4. Морозова Е.А. Как сохранить семью. М.: Сибирская Благовонница, 2015. 111 с.
5. Протоиерей Кречетов Ф.В., Мореева Е.П. Девять глав о семье. М.:Православное сестричество во имя Преподобномученицы Елизаветы, 2013. 96 с.
6. Авдеев Д. Как сохранить душевное здоровье ребенка и подростка. М.: СофтИздат, 2012. 216 с.

А. В. Литвинский

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», г. Барановичи

К ВОПРОСУ О КОРРЕЛЯЦИИ ПОЗИЦИЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ ПО ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯН

Введение. Проблема происхождения славян является одной из наиболее сложных в исторической науке. Её сложность во многом определяется фактом внезапного появления славян на исторической арене. До VI в. о них фактически не знали в позднеантичном мире. Однако именно представители славянской языковой группы широко расселились на огромных просторах Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы в период Раннего Средневековья.

Научное исследование данной проблемы требует высокой степени научно-теоретической подготовки и умелого применения комплексного междисциплинарного подхода. Только совместными усилиями историков, археологов, лингвистов, этнологов, антропологов, генетиков и представителей иных отраслей науки можно хотя бы приблизиться к решению загадки, уже несколько столетий занимающей самые взыскательные умы Европы и не только Европы.

Казалось бы, вопрос о предпосылках, причинах, движущих силах и результатах славянского этногенеза лежит сугубо в научной плоскости. Однако не следует забывать, что происхождением предков интересуются не только учёные мужи и дамы. Представление об истоках и корнях того или иного сообщества является важнейшим компонентом исторического самосознания данного сообщества. И здесь надо отметить, что хотя академической науке обычно отдается приоритет в процессе формирования исторического самосознания, оно формируется и эволюционирует под влиянием различных факторов, многие из которых по своей природе довольно далеки от науки. Посему мы взяли на себя смелость рассмотреть проблему происхождения славян в достаточно неожиданном ракурсе, при этом стараясь ответить на вопрос: в каком смысле и в какой степени возможна корреляция позиций Православной церкви и академической науки по такой сложной и далёкой от однозначного решения проблеме славянского этногенеза?

Основная часть. На первый взгляд, сама постановка такого вопроса имеет оттенок нелепости. Ведь известно, что традиционное церковное понимание истины базируется на том, что её источником является Божественное Откровение, которое уже дано людям. Учёные же до истины предпочитают докапываться сами, причём в данном случае можно понимать слово «докапываться» и в прямом смысле, учитывая

огромную роль археологии в изучении рассматриваемой научной проблемы. Однако обратим внимание на то, что и Церковь, и наука в своих концептуальных построениях исходят из непререкаемого аксиологического значения истины. Как сказано в Евангелии от Иоанна (8, 12), «и познаете истину, и истина сделает вас свободными». По нашему мнению, эти слова могли бы стать девизом всех честных и здравомыслящих учёных.

Здесь могут возразить, что в нашем постмодернистском мире зачастую отрицается сама возможность объективного познания, а научная деятельность, особенно в социально-гуманитарной сфере, многими рассматривается только в качестве способа самовыражения. Таким образом, вопрос о достоверности полученного знания фактически снимается с повестки дня. Всё это так, но хочется спросить: а кто заставляет каждого из нас принимать постмодернистскую парадигму и следовать новейшей интеллектуальной моде? Поэтому, на наш взгляд, учёному, чтобы не потерять идентичность, надо бы придерживаться принципов гносеологического оптимизма, нисколько не боясь показаться консервативным и несовременным. В противном случае наука будет низведена до уровня сомнительной интеллектуальной игры и, в конечном итоге, аннигилируется, превратившись в очередной симулякр, согласно терминологии тех же постмодернистов.

Кроме соображений эпистемологического и методологического плана, существует ещё одна предпосылка сближения позиций академической науки и Православной Церкви по рассматриваемой проблеме. Речь идёт о таком по-своему интересном феномене, как неоязычество. Вряд ли в рамках данной статьи следует его рассматривать подробно, тем более, что уже опубликованы научные труды, в которых этот феномен был основательно проанализирован [1, 2, 3]. Свой скромный вклад в изучение этого явления внёс и автор данной статьи [4], материал которой использовался им и в ходе настоящего исследования, результаты которого представлены на рассмотрение читателю.

Современные неоязычники живо интересуются происхождением славян, вот только картина этого процесса, которая рисуется их взору, насквозь мифологическая. Данный этнократический миф бытует в форме якобы незыблемых постулатов. Среди них необходимо выделить следующие: об исключительной древности славянского этноса; об арийском происхождении славян; о военной мощи славян; о славянской дохристианской (докириллической) «рунической» письменности; о высоком уровне развития славянских религиозно-мифологических представлений [4, с. 33—35]. В основе неоязыческого мифа о ранних славянах лежит, так бы сказать, гиперпримордиалистское представление об этносах как о чём-то извечном и стабильном на протяжении всего исторического пути, причем этнос в данной интерпретации рассматривается в качестве популяции, члены которой связаны кровным родством [5, с. 492]. Сторонников такого взгляда вовсе не смущает факт относительно позднего упоминания славян на страницах исторических источников. Они его игнорируют с необыкновенной лёгкостью, объявляя древними славянами кого только угодно: шумеров, этрусков, скифов, сарматов, венедов, ну и, конечно же, ариев (и это ещё далеко не полный перечень!) [2, с. 122—145].

Столь вопиющий антиисторизм построений неоязычников объясняется несколькими факторами. Во-первых, банальной некомпетентностью. Среди наиболее значительных фигур неоязычества практически не встречаются историки и представители иных наук, информация которых имеет первостепенное значение для исследования славянского этногенеза. Однако это нисколько не останавливает приверженцев современного паганизма. В связи с этим интересно отметить, что к академической науке у них амбивалентное отношение. С одной стороны, профильные учёные специалисты резко критикуются ими за консервативность и даже заскорузлость мышления, выражающиеся в нежелании видеть блестящее далёкое прошлое славян. Это обвинение дополняется конспирологическими фантазиями, согласно которым маститые учёные якобы выполняют заказ неких «тёмных сил», изначально и непримиримо враждебных славянству.

Но, с другой стороны, стремясь соотнести свои взгляды с духом времени, представители неоязычества делают попытки придать им видимость респектабельности, апеллируя к многократно обруганной академической науке и иногда буквально очаровывая своих последователей аргументами, почерпнутыми из истории, археологии, лингвистики, популяционной генетики, антропологии. И надо обладать критическим мышлением и достаточно обширным запасом знаний, чтобы не поддаться этому очарованию, при этом уяснив для себя, что эти аргументы, оказывается, вовсе не являются сколь-нибудь весомыми с научной точки зрения. Скорее всего, в данном случае речь идет о проявлении желания втиснуть реальную историю в рамки определенного, заданного системой ценностей, шаблона. Отсюда и стремление «переиграть» историю, как если бы она была футбольным матчем [4, с. 32]. Данное явление на белорусских примерах описано белорусским исследователем И. А. Марзалюком (правда, в этом случае речь идёт о попытках возрождения паганизма не на славянской, а на балтской основе) [6, с. 4—6, 37—47].

Во-вторых, складывается устойчивое впечатление, что миф этот имеет презентистский характер и сконструирован «на злобу дня». Иными словами, его разработчикам не так уж и важно установить, как на самом деле протекал процесс становления славянского этноязыкового сообщества. Для них гораздо важнее другое: любым способом показать величие духа древних славян и экстраполировать это, в общем-то, выдуманное ими величие применительно к потребностям нашего времени, как они их понимают. По сути дела, они не реконструируют язычество, а как бы заново его создают в соответствии со своими вычурными представлениями об исторической реальности, а в большей степени — о современности.

В данном случае срабатывает действительно архаичная и, пожалуй, универсальная мифологема «золотого века», согласно которой прошлое как бы делится на два периода, в первом из которых, условно говоря, «всё было хорошо», а во втором — «всё стало плохо», случился какой-то катастрофический провал, в результате которого последующая история утратила ценность, стала, в своём роде, ненастоящей и не заслуживающей особого внимания. Отсюда проистекает вывод: надо вернуться к тем порядкам, когда «всё было хорошо», то есть, в данном случае, к язычеству.

Уместно при этом отметить, что идентифицирующие себя со славянами неоязычники не должны здесь претендовать на лавры первооткрывателей. Даже если отвлечься от факта архаичности мифологемы, стоит напомнить осведомлённому читателю, что она фактически является одним из краеугольных камней идеологии Ренессанса с её превознесением Античности и пренебрежительным отношением к Средневековью (и, кстати говоря, с её антиисторизмом). Оттуда в сознание среднестатистического европейца внедрился целый ряд хорошо известных «страшилок», к сожалению, прочно в этом сознании засевших («мрачное средневековье», «господство церковного обскурантизма», «уничтожение памятников дохристианской культуры» и так далее, и тому подобное). Современные сторонники паганизма охотно эксплуатируют эти «страшилки», дополняя их новыми, выдержанными обычно в духе конспирологической «теории заговора» и крайнего дуализма в восприятии истории и нашего времени.

Таким образом, неоязыческий миф о славянах следует рассматривать в качестве псевдонаучного и антихристианского. И дело не только в том, что уже сам факт существования неоязычества определяет антихристианский характер мифа. Неоязычники, за довольно редким исключением, видят в Христианской Церкви не оппонента, а врага, с которым не то чтобы примирение, но и сосуществование невозможно. По мнению апологетов современной версии язычества, христианское учение исказило души славян, лишив их жизненной энергии и мужества и укоренив в них рабскую психологию. Также практически обязательным является обвинение в том, что Христианство — это навязанная славянам еврейская/иудейская по происхождению религия, после предъявления которого опять же почти обязательно следуют юдофобские и расистские по своему характеру инвективы. Что-то, а образ врага неоязычники создавать умеют.

Понятно, что историческое славянское язычество при этом всячески идеализируется. Приверженцы паганизма довольно безапелляционно утверждают о существовании у славян развитой религиозно-философской системы. Согласно этой мифологеме, у ранних славян усматривают даже наличие своеобразной религиозно-философской системы. Но вот проблема: аутентичных источников, которые могли бы свидетельствовать об этом, почти и не сохранилось, и мала вероятность их обнаружения в будущем.

Если же говорить об историческом периоде, когда славяне были относительно единым целым, а это, на наш взгляд, VI – IX вв., то и здесь почти ничего нельзя обнаружить, кроме краткого, но довольно информативного высказывания Прокопия Кесарийского. Согласно Прокопию, славяне считали не названного по имени бога грозы (Перуна?) «единым владыкой всего», приносили ему в жертву быков и прочих животных, не знали предопределения, покупали себе жертвами спасение в критических жизненных ситуациях (война, болезнь), почитали «и реки, и нимфы, и некоторые иные божества», совершали гадания [7, с. 182—185]. Он, таким образом, лаконично описывает архаическую, вполне себе языческую религию, не хуже и не лучше, чем, к примеру, у кельтов, германцев или балтов, без претензий на какую-то религиозную философию. Из содержания источника не явствует наличие у славян монотеистических верований.

Также совершенно невозможно утверждать о наличии у наших предков упорядоченного языческого пантеона. Характерный и известный факт: зафиксированные более поздними историческими источниками пантеоны восточных славян (так называемое шестибожие Владимира: Перун, Хорс, Дажьдбог, Стрибог, Симаргл и Мокошь) и славян западных (имеются ввиду, прежде всего, полабские славяне с их богами Святovitом, Яровитом, Руевитом, Поревитом, Поренутом и других) никак не совпадают. А это, в свою очередь, ставит под сомнение тезис о наличии у славян предыдущих эпох какой-либо упорядоченной и развитой религиозной системы [4, с. 35—36].

Здесь кстати будет заметить, что у современных адептов языческой старины романтическое восприятие дохристианских верований наших предков. Реальное язычество было не столь обаятельным, как им это кажется. Основным его компонентом был культ с обильными, зачастую кровавыми жертвоприношениями. Традиционный язычник не был склонен к философствованию и относился к своим богам прагматично, по принципу «даю тебе, чтобы ты дал мне».

Излишне будет подробно объяснять, почему неоязыческие постулаты неприемлемы ни для Православной Церкви, ни для академической науки. Следует, однако, отметить, что во многом именно это неприемлемость делает возможной корреляцию позиций Церкви и науки по проблеме происхождения славян. Правда, сразу же оговоримся, что есть аспекты, в которых данная корреляция не должна выражаться. Никто ведь не требует от православных священников проведения соответствующих исследований и поддержки той или иной научной концепции. Аналогично и учёные, если они и являются православными верующими, не обязаны соотносить свои научные взгляды с содержанием церковного учения. В самом деле, нелепо звучал бы, к примеру, вопрос: какой концепции происхождения славян должен придерживаться православный христианин: Дунайской, Висло-Одерской или Припятско-Днепровской? Поэтому и в названии данной статьи употреблено осторожное и стилистически нейтральное слово «корреляция», а не «сотрудничество» и не «взаимодействие».

Также речь не идёт о том, чтобы «единым фронтом» выступать против неоязычества с целью его развенчать. Воинственная риторика здесь неуместна. Гораздо больше пользы принесёт вдумчивая, кропотливая работа, и корреляция может проявляться, прежде всего, во взаимном доверии Православной Церкви и науки на ниве просветительской деятельности. Церковь может доверять компетентности специалистов в области славянского этногенеза. Учёные, в свою очередь, могут надеяться на то, что в рамках своей просветительской деятельности представители духовенства и воцерковлённые миряне будут полагаться на информацию, добытую и систематизированную соответствующими специалистами, а не на сомнительные по происхождению и содержанию источники. В этом смысле взаимодействие Церкви и науки вполне возможно [8].

Примером противодействия неоязыческому постулату о величии древних славян, искажающему историческую ретроспективу, может быть следующая запись, сделанная известным церковным деятелем, хотя и противоречиво оцениваемым, протодиаконом Андреем Кураевым в соответствующем блоге «Живого Журнала». Просим читателя извинить за излишне пространное цитирование, однако в данном случае оно необходимо, чтобы без искажений передать мысль протодиакона (слегка лишь изменены знаки препинания для того чтобы привести цитату в соответствие с форматом печатной статьи).

Итак, Андрей Кураев, рассуждая о первых славянах, отмечает: «Вторая половина первого тысячелетия нашей эры. Восточная Европа. Сложное переплетение разных культур и племен. В частности, готско-германо-славянские союзы. Письменных документов о той поре нет. Но есть следы в языке.

Германские заимствования относятся преимущественно к сферам политики (цесарь, король, князь, витязь, крамола), военного дела (полк, броня, шлем, вал, воевода — калька с др.-в.-нем. *heri-zogo*).

Заимствован ряд терминов, связанных с торговлей: названия монет (слязь, пенязь, цята), мыто, глагол купить, слово скот (первоначальное значение «деньги, богатство»). Названия предметов обихода (котёл, блюдо, доска в первоначальном значении «стол», миска), домашних животных и растений (осёл, лук, персик, редька), которые в самих германских языках в основном латинского происхождения, говорят о том, что тип культуры, называемый «провинциально-римским» (именно к такому типу относится пражская культура) был воспринят славянами через германское посредство:

*xlěvъ «хлев» < др.-сакс. *hlēu* «приют, навес от ветра» < прагерм. **hlaiwa-* «могила, курган»;

xqdogъ «красивый, чистый, искусный» (отсюда рус. художник). Ср. прагерм. **handuga-*, **handaga-*;

*хузь/*хуза/*хусть/*хуса/*хузь/*хуза/*хушь/*хуша (ст.-слав. хыжина, рус. хижина) < прагерм. **hūsa-* «(однокомнатный) дом»;

*jъstьba «изба». Ср. зап.-герм. **stubō-* «теплое помещение» < вульг.-лат. **extūfa* «баня». Может также быть заимствованием непосредственно из латыни;

*kormola «бунт, восстание» (отсюда рус. крамола) < др.-в.-нем. *karmala* «мятеж». Альтернативная этимология предполагает заимствование из тюркских языков;

*кънѣдзь (ст.-слав. кънась, рус. князь) < зап.-герм. **kuninga-* «глава рода, вождь племени» (нем. *König* «король, царь, вождь»).

Очевидно, через германцев славяне впервые познакомились с христианством, отсюда такие слова как церковь, крест(ить), поп, поганый «язычник», пост (воздержание), милосердный (калька с готск. *armahairts* или др.-в.-нем. *armherz*)» [9].

Далее А. Кураев приводит также и представленные подобным образом примеры готских заимствований в славянские языки, констатируя в итоге, что «в период, предшествующий появлению Киевской Руси, славяне находились на вторых ролях. Элита, дававшая имена вещам своего мира (прежде всего оружию и «бизнесу»), была германской» [9] (от себя добавим, что последний вывод, пожалуй, излишне категоричный — во всяком случае, возможна иная интерпретация приведённых данных). В связи с этим интересно замечание В. Я. Петрухина и Д. С. Раевского о том, что и чехи, и поляки, и словенцы (добавим от себя — и белорусы) не видели ничего постыдного в том, чтобы приписывать крестьянское происхождение своим правящим династиям, чем отличались, к примеру, от германцев, уверенно выведивших свою политическую элиту от военизированной знати [10, с. 179—180]. По-видимому, в данном случае речь идет о реликтах общеславянских представлений, сохранённых в исторической памяти того или иного этнического сообщества [4, с. 35].

Приведенный пример показателен как факт использования научной информации, предоставленной сравнительно-историческим языкознанием (компаративистикой), в полемике со сторонниками паранауки, эзотерики, неоязычества — полемике, в которой активное участие принимает религиозный деятель (Андрей Кураев приобрёл известность и в качестве такого полемиста). Показательно также и стремление осваивать для этой цели Интернет-ресурсы.

Ещё одним примером корреляции позиций Церкви и науки по вопросам славянского этногенеза является публикация весьма солидного и интересного труда белорусского историка и археолога С. Е. Рассадина, изданного Белорусским экзархатом [11]. Истоки славянства исследователь видит в Киевской археологической культуре, а движущий механизм «славяногенеза» — во взаимодействии балтов Юхновской археологической культуры с германцами («венедями») — наследниками традиций Зарубинецкой археологической культуры, собственно говоря, и приведшем к образованию Киевской культуры [11, с. 232, 247, 271, 272, 277, 281, 282].

В контексте темы данной статьи интересно отметить, что историк начинает своё повествование с анализа известного памятника древнерусской литературы — «Слова о Законе и Благодати» пресвитера Иллариона, впоследствии Киевского митрополита, при этом обращая особое внимание на факт признания Илларионом относительной молодости славян по сравнению с византийцами [11, с. 3—6]. Это, а также сам факт издания книги экзархатом дало основание некоторым пользователям Интернета высказывать на соответствующих форумах мысль, о том, что в научном произведении С. Е. Рассадина выражена официальная позиция Русской Православной Церкви или, по крайней мере, Белорусского экзархата по проблеме происхождения славян. Вряд ли с подобным мнением следует согласиться. Однако инициативу публикации действительно хорошей научной литературы, проявленную церковным издательством, необходимо только приветствовать.

Заключение. Подводя итог рассмотрению темы статьи, можно с достаточной уверенностью утверждать: да, корреляция позиций Православной Церкви и академической науки по проблеме происхождения славян существует. И наличие этой корреляции обеспечивает, прежде всего, Церковь, чутко прислушивающаяся к аргументам серьёзных и высококвалифицированных специалистов по данной, повторимся, очень сложной научной проблеме.

Если же вести речь о возможном взаимодействии, то в перспективе наиболее плодотворным представляется взаимодействие в просветительской сфере, прежде всего, в ходе противостояния агрессивному, нахрапистому, ангажированному дилетантизму, выразившемуся в неоязыческих формах. Надо всегда помнить, что увлечение паганизмом опасно, ибо неоязыческий миф уже играл роль «теоретической основы» нацистской идеологии [2, с. 69—96] и может сыграть подобную роль в наше довольно-таки тревожное время.

При этом не надо тешить себя иллюзорным упованием на то, что результатом такого взаимодействия обязательно будет успех. В нашем секуляризованном мире, где люди стремятся получить всевозможные льготы и блага «здесь и сейчас», истина очень часто низводится до положения бедной сироты, которая уже самим своим существованием нарушает душевное спокойствие (на самом деле, призрачное) тех, кто видит смысл жизни в удовольствии, достигаемом любыми способами. В рассматриваемом случае непритязательная реалистичность процесса возникновения и становления славянской этноязыковой общности, находящая подтверждение в информации письменных, вещественных (археологических) и лингвистических источников, является помехой, препятствующей конструированию небезопасных этнократических мифов. Вот почему с приверженцами неоязычества практически невозможно вести научную, да и вообще любую рационально выстроенную дискуссию с использованием логических аргументов.

Однако, живя в окружении кривых зеркал, и отдельно взятый человек, и общество в целом рискуют потерять связь с действительностью до такой степени, что будет поставлена под угрозу их жизнеспособность. Чтобы этого не случилось, надо не поддаваться соблазнам, а рассматривать реальность такой, какова она есть на самом деле. В рассматриваемом случае следует видеть истоки славянства не в какой-то там сверхчеловеческой общности, как к тому призывают неоязычники, а во вполне архаических социальных структурах поздней Античности, которые древние греки и римляне, пусть и с изрядной долей пренебрежения, но вовсе небезосновательно считали варварскими. Так будет честнее по отношению к истине.

Список цитируемых источников

1. Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / А. Е. Петров [и др.] ; под. общ. ред. А. Е. Петрова, В. А. Шнирельмана. — Москва : Отделение историко-филологических наук РАН, 2011. — 382 с.
2. Шнирельман, В. А. Арийский миф в современном мире. Т. 1 / В. А. Шнирельман. — Москва : Новое литературное обозрение, 2015. — 536 с.
3. Шнирельман, В. А. Арийский миф в современном мире. Т. 2 / В. А. Шнирельман. — Москва : Новое литературное обозрение, 2015. — 440 с.
4. Литвинский, А. В. Неоязыческий миф о ранних славянах в свете данных исторических источников // А. В. Литвинский. — Грани історії : зб. наук. прац. — Горлівка : Вид-во ГПМ ДВНЗ «ДДПУ», 2014. — Вип. 7 — С. 30—37.
5. Чернявская, Ю. В. Белорусы. От «тугэйшых» — к нации / Ю. В. Чернявская. — Минск: ФУАинформ, 2010. — 512 с.: ил.
6. Марзалюк, І. А. Міфы «адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі: манаграфія / І. А. Марзалюк. — Магілёў: УА «МДУ імя А. А. Куляшова», 2009. — 148 с.
7. Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI вв.). Изд., 2-е, испр. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. — 472 с.: карты.
8. Москвитин, Андрей Епископ Егорьевский Тихон: «Академическая наука — для нас огромная поддержка и помощь» / Андрей Москвитин [Электронный ресурс]. — 2016 г. — Режим доступа : <http://www.pravoslavie.ru/98572.html>. — Дата доступа : 13.11.2016.
9. Кураев, Андрей Язык и власть / Андрей Кураев [Электронный ресурс]. — 2015 г. — Режим доступа : <http://diak-kuraev.livejournal.com/744785.html>. — Дата доступа : 13.11.2016.
10. Петрухин, В. Я. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. — 2-е изд., перераб. и доп. / В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский. — М.: Знак, 2004. — 416 с.
11. Рассадин, С. Е. Первые славяне. Славяногенез / С. Е. Рассадин. — Минск : Белорусский экзархат, 2008. — 288 с.